

Вячеслав
Шалевич —
Газете

Вячеслав Шалевич: «Вдруг
входишь в театр — а там
музыка, свет и все во фраках»
Фотограф: Михаил Климентьев/Газета

Артист Театра им. Вахтангова Вячеслав Шалевич справит сегодня свое семидесятилетие. Практически вся его жизнь отдана этому театру и улице, на которой он стоит, — Арбату. А наискосок от Театра Вахтангова находится Театр имени Рубена Симонова, худруком которого Шалевич стал несколько лет назад. Именно здесь, на Арбате, корреспондент Газеты Глеб Ситковский и встретился с Вячеславом Шалевичем.

И детство у вас на Арбате прошло, и учились тут же, в Щуке, и всю жизнь Театру Вахтангова отдали. Вся жизнь на одном маленьком пятячке. Как у вас отношения с этой улицей складывались?

По-разному, по-разному... Я ведь еще довоенный Арбат застал. Потом, когда разбомбили Театр Вахтангова, сидел с мамой в бомбоубежище под театром. У нас же дом прямо рядом с Вахтанговским театром был. Театр — Арбат, 26, а у нас — Арбат, 24. Семья у меня никакого отношения к театру не имела, но так уж случилось, что я в этом дворе вырос... Потом возвели стенку, чтобы не видны были развалины. Рядом правительственная трасса проходила, и руководители партии и правительства не должны были видеть руины из машин. У меня сохранилось смутное воспоминание из детства, как около театра остановился Сталин, вышел из машины и на что-то рукой показал. Я потом маму спрашивал: «Мне это приснилось или в самом деле было такое?» — «Было», — говорит. Семь лет мне тогда было, но многое врезалось в память — и вой сирен, и прожектора, и страстаты, и осколки от бомб, которые мы, мальчишки, собирали, а потом хвастались друг перед другом, у кого их больше. Помню и праздничный Арбат в День Победы, и послевоенный Арбат... Это же была, в сущности, деревенская улица. Старушки на этой улице жили по сто лет. Я свою тетю Пашу потом спрашивал: отчего это на Арбате все так долго живут? А она говорит: «Так это микроклимат у нас такой» — «Что за микроклимат?» — спрашиваю. «Да очень просто, — отвечает. — Форточку откроешь, в булочную сходишь, и назад». Она вообще старушка

с юмором была. Помню, очень смешно рассказывала про революцию: как на Арбат то белые войдут, то красные захватят... Здесь же очень сильные бои тогда шли. А я застал тот Арбат, когда по нему, хотя это сейчас даже трудно представить, ходили троллейбусы и почему-то, как нам казалось, были довольно широкие тротуары. Дети были предоставлены сами себе. Бегали все вместе, а мама и не знала, где я был в течение дня. Уходила с утра на работу, и все. Я бегал где угодно, и мне вдруг кто-то совершенно незнакомый мог сказать: «Иди домой, тебя мама ищет». Откуда? Как? А просто все друг друга знали. Тут была масса маленьких магазинчиков, ездили машины, за которые мы цеплялись сзади, а через каждые сто метров стояли так называемые люди в штатском, которых можно было сразу распознать.

С Александром Збруевым были в ту пору знакомы? Он вроде тут же, неподалеку вырос.

Нет, он хотя и был местным хулиганом, но наши хулиганские шайки друг с другом не сходились. А если мы даже и сходились, то кто ж знал тогда, что это Збруев? Арбат был хоть и деревней, но большой деревней. На Гоголевском бульваре своя команда была, а арбатские — это арбатские. Здесь же еще на каждом шагу подворотни были, и в каждом дворе своя жизнь. И в футбол играли банкой консервной, и стекла били... Помню, когда в нашем дворе освобождались комнаты, сюда въехали актеры Театра Вахтангова — и Сергей Лукьянов, и Николай Гриценко, и Михаил Ульянов, и Лариса Пашкова... Лукьянов тогда уже был знаменитостью, и в «Поединке» сыграл, и еще в каких-

“где родился, там и пригодился”

то фильмах, красавец роскошный. Я, помню, как-то с его дочкой поругался, а она заплакала и побежала папе жаловаться. И вот через арку ворот входит Лукьянов, огромный такой... Ну, думаю, сейчас убьет. А посреди двора лужа была большая. Он подошел ко мне, поднял на руки, в лужу опустил и ушел... Я уже потом, когда в театр был принят, говорил ему: «Сергея, вы же мне, можно сказать, крестным отцом были. Вы меня в лужу посадили» — «Не помню», — говорит. Зато я хорошо помню.

А Гриценко я форточку разбил, и он приходил в нашу кухню (семь плит там было, нас 27 человек в квартире жило) и требовал с мамы 3 рубля 48 копеек за форточку. У мамы таких денег не было, конечно. Сейчас уже все позабыли, но самыми голодными годами были не военные, а послевоенные — 1946—1947 годы. Самым большим лакомством были лепешки, которые пекли из пропущенных через мясорубку картофельных очистков, смешанных с кофейной гущей. А потом Арбат стали перестраивать, а еще позже Арбат «офонирел». Одно время и пройти через Арбат было невозможно: не улица, а пляж. Кругом лотки, и все продавцы, раздевшись по пояс, загорают. Сейчас вроде чуть получше стало, но все равно уже все не то: каждый уголок распродан, распределен, и решительно все для иностранцев — и шапочки, и ордена, и матрешки...

Окуджаву, как известно, последние годы своей жизни Арбат старательно огибал...

Оно и понятно. Мы с Окуджавой, конечно, никогда не дружили, но он был кумиром моим. По Арбату шел троллейбус, а мы, сидя в нем, пели песню Окуджавы «Последний троллейбус». А еще я помню, как в другой раз водитель все того же троллейбуса объявлял остановку: «Театр Астангова». Пассажиры его поправляли — мол, надо говорить «Театр Вахтангова», а он стоял на своем: «Я знаю, что говорю. Театр Астангова!» Я, живя во дворе театра, конечно, бегал все время сюда на спектакли. Я был в гимнастерочке с аккуратными заплаточками, весь залатанный мамой, и вдруг входишь в театр — а там музыка, свет, и все во фраках. Видел огромное количество спектаклей. Из первых впечатлений — «Глубокие корни» и «Мадмуазель Нитуш». Это еще в переулке Садовских было, где театр после эвакуации выступал. А потом, после 1951 года, когда театр заново отстроили, — и «Крепость на Волге», и «Егор Булычев» (восемь раз смотрел), и «Сирано де Бержерак», которого я тоже невероятное количество раз видел. Прямо во двор, где я рос, доносились трансляция из театра, и мы каждый вечер все слышали. А еще прямо в нашем дворе вывешивались на веревках для просушки театральные костюмы, на которых красовались ордена. Ну мы эти ордена и пуговицы, разумеется, тайком отрезали и играли ими... Все детство прошло под знаком этой необыкновенной театральной ауры.

Вопрос о том, в какой театр идти после училища, конечно, и не возникало?

Где родился, там и пригодился. Но, надо сказать, что когда я окончил училище, то моей фамилии в списке принятых в труппу не оказалось. Я пошел к своему руководителю Иосифу Матвеевичу Раппопорту и говорю: «Дайте хоть с театром попрощаться». Он разрешил, а потом меня все-таки в театр приняли. Я застал невероятное количество великих артистов. Вахтанговский тогда называли двадцать первой киностудией страны, потому что здесь работали все самые известные киноартисты. А какие традиции здесь были! Новый год мы всегда вместе встречали в фойе театра. Накрывали сцену, приглашали любезных театру людей. В дверях стоял Рубен Николаевич Симонов и, с какой бы женщиной ты ни пришел (а я, признаться, с разными ходил), относился к ней как к родному для театра человеку. Тридцать восемь лет поддерживалась эта традиция, а потом прервалась. Я в течение двенадцати лет пытался один эту традицию поддерживать: мы собирались с товарищами, приносили снедь, и после двенадцатого удара часов я кричал: «Хлопайте все! Это первые аплодисменты нового года!» А сейчас пожарники и этого нам не разрешают.

газета

гражданин Арбата

Вячеслав Анатольевич Шалевич — коренной москвич, родился 27 мая 1934 года и вырос на Арбате. В 1958 году, окончив Театральное училище имени Щукина, был принят в труппу Академического театра им. Вахтангова. В этом же году дебютировал в кино ролью Швабрина в фильме «Капитанская дочка». Играл спортсменов (фильм «Хоккеисты»), эсеров (Яков Блюмкин в фильме «Шестое июля») и западных дипломатов (Аллен Даллес в «Семнадцати мгновениях весны»). Среди ролей, в которых он ныне выходит на сцену Вахтанговского театра, — Де Гиш в спектакле Владимира Мирзоева «Сирано де Бержерак» и Доктор Дорн в «Чайке» Павла Сафонова. В 1998 году Вячеслав Шалевич стал художественным руководителем Театра имени Рубена Симонова.

27.05.04

Шалевич Вячеслав